

Древняя богиня

В каменном веке появились самые древние скульптурные изображения Великой матери, и этот архетип был явлен людям во всей своей потрясающей целостности и совершенстве. Не считая пещерных изображений, эти фигуры Великой Богини — старейшие из известных нам предметов культа и произведений искусства.¹

Появление этих фигур на территории, простирающейся от Сибири до Пиренеев, по-видимому, предполагает существование некой единой «картины мира», центром которой является богиня-женщина. Феномен такого единства культуры каменного века не зависит ни от происхождения фигур, ни от возможности распространения данного образа во время миграций.

Первые четыре иллюстрации наиболее точно представляют этот широко распространенный тип Великой матери (ил. 1, 2). Их культовое значение неоспоримо. Они являются примерами господства матриархата, причем независимо от того, узурпировала ли группа мужчин той эпохи, например группа охотников, власть над женщинами и до какой степени.

Таким образом, для наших дальнейших исследований остается неважной принадлежность психического носителя архетипа к женской или мужской группе. Архетип Великой Богини-Матери может существовать в патриархальном обществе, а архетип Бога-Отца — в матриархальном обществе. Характеристики матриархального мира можно обнаружить у индивидуума — и например, у невротика

¹ При этом неважно, будем ли мы считать их возрастом двадцать или двенадцать тысяч лет.

с доминирующим архетипом Матери его обнаружить легче, чем у здоровой женщины.

В этом смысле наше представление мира архетипов идеально. Оно основывается на мужской и женской психологии группы и отдельно взятого человека. Пол и социологическая констелляция способны лишь варьировать основную структуру архетипа, но не могут существенно ее изменить.

Сохранившиеся до наших дней скульптуры каменного века распределены между полами таким образом, что на пятьдесят пять женских фигур приходится только пять мужских. При этом фигуры юношей плохо проработаны,¹ так что, несомненно, не имеют культурного значения. Это согласуется с поздним появлением мужского божества в истории религии и его вторичностью в качестве сына Богини-Матери.

У фигур Древней матери мы обнаруживаем радикальные различия в анатомии тела: стройный астенический тип наряду с приземистым пикническим типом. Это отличие особенно очевидно на небольшой фигурке Венеры Гагаринской,² противоположной так называемой Венере Виллендорфской.³

Неоднократно заявлялось,⁴ что между человеческими останками древнего периода и изображением Великой матери отсутствует всякое соответствие. Следовательно, различные способы изображения Богини-Матери имеют символическое значение, которое нам предстоит понять.

Фигурки богини были найдены во Франции у входа в пещеры, которые использовались для магического охотничьего культа (ил. 1б, в, 2).

Фигуры Великой Богини-Матери с их акцентом на *безличное* и *сверхличное* — это изначальные типы женского элементарного характера. Во всех доминирует характерная для него символика

¹ Bohmers A. Die Aurignac-Gruppe.

² Levy G. R. The Gate of Horn.

³ Там же.

⁴ Bohmers A.; Levy G. R.

наполняемого сосуда. Живот и грудь, часто огромная — главные области туловища-сосуда такой женщины — «единственно настоящее». В этих фигурах нашла свое выражение плодовитость женского начала, столь же дочеловеческая, сколь и сверхчеловеческая. Голова не имеет лица и наклонена к центру тела, руки лишь намечены и также подчеркивают центр тела. Гигантские ляжки и бедра переходят в тонкие икры, которые, даже если ступни отломаны, изначально были очень слабыми, — никоим образом не предполагалось, что такие ноги будут носить это гигантское тело-сосуд. У чудесной фигурки Венеры Леспюгской (ил. 1в), у которой груди с животом, бедра и треугольник лона образуют единую связку фруктов, такое символическое изобилие элементарного характера еще заметнее, чем у натуралистичной и, следовательно, менее символической Венеры Виллендорфской (ил. 1а).

Бесформенные фигурки Великой матери — это изображения богини плодородия, почитаемой во всем мире как покровительница беременности и родов. Она была культовым объектом не только для женщин, но и для мужчин — архетипический символ плодородия, воплощение укрывающего, защищающего и вскармливающего элементарного характера.¹

Хотя между образами великого женского начала эпохи каменного века в Европе и на Ближнем Востоке существует большое различие, среди находок Тель-Халафа имеются похожие женские фигуры доисторических времен, датируемые V–IV вв. до н. э. «В основном это объемные изображения обнаженных раскрашенных женщин с едва обозначенными головами, но, в соответствии с ранней ориньякской культурой, с гипертрофированными грудями, животом, ягодицами и лобковой зоной».² Обилие фигур животных на этих фигурках подтверждает: великое женское начало является матерью всего живого: как людей, так и животных.³

¹ Albright W. F. From the Stone Age to Christianity (ил. 3).

² Там же.

³ То, что изначально принадлежавший Великой матери и представлявшим ее жрицам тип женской фигуры был секуляризован и сексуализирован в более поздние патриархальные времена, возможно и даже вероятно, однако здесь

Статика элементарного характера у этих фигурок выражается в интеграции рук — активных составляющих действия и движения — с туловищем-сосудом и частой недоработке маленькой безликой головы, в известной степени являющейся лишь продолжением подчеркнутой части тела. Еще одна особенность таких фигур — непропорциональная ширина и полнота ягодичной области.

Было бы неправильно сводить такую «стеатопигию» к принадлежности к определенным народностям и расам.¹ Именно эта характеристика древней Великой матери чрезвычайно широко распространена и может быть обнаружена даже там, где нам ничего не известно об их «африканском» или «готтентотском» происхождении. Психологическая интерпретация также заводит нас все глубже и глубже.

Достаточно часто подчеркивалась невозможность вывести эти архетипические образы Богини-Матери из определенного «сексуального вкуса» мужчин. Однако, несомненно, существует обратная, более сложная связь, а именно зависимость мужской сексуальности от действующей в бессознательном архетипической женской фигуры. Везде, где как сексуальный объект почитается чрезмерно толстая, бесформенная женщина, можно найти бессознательное господство архетипа Матери в мужской психике.

Подчеркивание сексуальности ягодиц «родом» из ритуалов плодородия, целью которых было магическое увеличение количества животных. В палеолите (как и в наши дни у примитивных народов) обычным явлением были ритуалы плодородия, в которых спаривание животных сзади играет центральную роль. Эти обряды касаются не именно сексуальной составляющей мужчины, а скорее безличного, понятного из контекста символического поведения. Сексуальные

мы имеем дело с упадком, а не изначальным значением символа. «Толстая женщина» в качестве возжеленного сексуального объекта, обительница гарема, проститутка и т. д. является сохранившимся до наших дней архаичным пережитком комплекса матери у мужчин (Fuchs E., Kind A. *Die Weiberherrschaft in der Geschichte der Menschheit*). Таким же образом архаичные образы Великой матери возвращаются и во время психоза современного человека (ил. 7б, 3а).

¹ Levy G. R.

наклонности отдельных людей также гораздо в большей степени, чем мы сознаем, зависят от бессознательных архетипических образов, поначалу определяющих дух и поведение групп, а впоследствии — поведение душевнобольных с атавистической зацикленностью.¹ Существует целый ряд указаний на то, что матриархальное или патриархальное доминирование бессознательной картины мира определяет даже позы партнеров во время полового акта. Положение тел партнеров (например, женщина, подобно земле, — снизу, мужчина, подобно небу, — сверху) зависит от архетипических условий соответствующей культуры. Влияние такого рода архетипических данностей и зависимость от них сексуального поведения все еще можно проследить у современного человека — не только в неврозах, извращениях и психозах, но и в обычном среднестатистическом сексуальном поведении.

Стеатопигию, или акцент на ягодицах, в представлении ранних культур следует понимать как символ тела.² Великое женское начало часто изображается сидящим, причем именно на земле. Эта «заземленность» позы, в которой ягодицы образуют противоположность ступням — символам свободного передвижения, показывает особенно тесную связь с землей. Это все еще заметно в символике языка. В словах *besitzen*, *Besitz ergreifen* и *besessen sein*³ явно прослеживается символический характер сидения. Говоря о местонахождении и местожительстве какого-либо племени, мы имеем в виду ту часть земли, откуда оно взялось или где оно стало «оседлым». В ритуалах и обычаях сесть на что-то означает «завладеть» им.

¹ Встречающиеся у современных невротиков сексуальные предпочтения подобных бесформенных, тучных женщин или склонность к подобной позе во время полового акта опираются на архетипическую ситуацию, в которой подчеркивается безличность женского и отсутствие связи с ней мужского.

² Разумеется, что подобного рода (пусть даже бессознательный) символический акцент на теле женщины вполне может привести к предпочтению таких женских типов и, возможно, к их «культивированию».

³ Немецкие слова «обладать», «овладевать» и «одержимость» являются однокоренными словами к слову «сидеть». — *Примеч. пер.*

Трудность передвижения и бесформенность вынуждают богиню плодородия к сидячей позе. Подобно холму или горе, богиня принадлежит земле, земля владеет ею, она является частью земли и землю олицетворяет. Даже если Великая мать стоит, вес тянет ее вниз, к земле, являющейся в своей полноте и неподвижности местом обитания человеческого рода. Сидящее великое женское начало — первоначальная форма «восседающей на троне богини» и самого трона.

В качестве матери и земной женщины Великая мать является «тронам как таковым», характерно, что к ее «лону» относятся не только половые органы, но и широкие бедра, на которых сидит и правит рожденное из этого лона дитя. Посадить на колени или приложить к груди для женщины символически означает *усыновить* ребенка, а также мужчину. Неслучайно египетская Богиня-Мать носит имя Исида — оно переводится как «сиденье» или «трон». Символ этого трона она носит на голове. Царь, «овладевающий» землей — Богиней-Матерью, — делает это в прямом смысле слова, сидя у нее на коленях (ил. 4).

Богиня-Мать жива в сакральном образе трона. Царь приходит к власти, «восходя на трон», заняв, таким образом, свое место на коленях у Великой богини Земли в качестве сына. Таким образом, мы повсеместно обнаруживаем культ трона,¹ в котором трон, сам изначально являвшийся божеством, почитался как «божественное присутствие».

Первоначально место трона занимала гора, соединяющая в себе символы земли, пещеры, массы и высоты, — неподвижно сидящее божество, явно доминирующее над ландшафтом. Сначала гора была нуминозным божеством — Матерью-Горой, затем

¹ Вольфганг Райхель (Reichel W. Über vorhellenische Götterkulte, взято из Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa) считает культ трона пришедшим с Востока, скальные троны находят в Лидии и Фригии в Греции, на Родосе и в Тире, изображения огромных тронов встречаются, в частности, в гробницах Тирифа, Микен, Мениди и Ноплии. Наряду с античными культами трона мы также находим связанные с культом мертвых троны на Сицилии и в Этрурии.

сиденьем и тронном, на котором сидит видимый или невидимый нумен, а еще позже — «пустым тронном», на который «нисходит» божество. Гора в виде трона Великой Богини, повелительницы горы, появляется еще позднее; самое красивое ее изображение представлено на хорошо известной критской печати, на которой Богиня-Мать стоит на вершине горы, а внизу молится поклоняющийся ей юноша (ил. 62).

Символику женского божества в виде холма и горы мы обнаруживаем впоследствии на Востоке, где иерогамия происходила между небом и землей на горе или символизирующей ее ступенчатой башне, как в Вавилоне. Там сошедший с небес мужской бог неба, облаков, грома, молний и дождя соединяется с женской богиней Земли, которая либо является горой, либо на горе живет. Представляющая богиню жрица также принимает бога в храме на вершине горы.

Впоследствии трон, которым «обладает» царь, становится сакральным символом отошедшей на задний план Великой матери. В наши патриархальные времена выражение «обладать женщиной» используется для описания полового акта, с помощью которого лежащий на женщине сверху мужчина считает, что превратил ее в свою собственность — по не поддающимся рациональному пониманию причинам. Однако это выражение выдает изначальную, догенитальную форму обладания, при которой мужчина получает землю — владения — от женщины, будучи посаженным к ней на колени сыном. Проистекающий из матриархальной символики акцент на троне настолько важен и по сей день, что Хокарт справедливо говорит: «Трон стал настолько важен, что мы говорим о восхождении царя на трон, а это означает — на царство».¹ Наш взгляд на материнское значение трона подтверждается и коронацией индийского магараджи: его перерождение, которое символически обозначено коронацией и переодеванием, заканчивается восхождением на трон: «Царь предназначен сидеть на троне, олицетворяющем утробу матери».²

¹ Hocart A. M. Kingship.

² Там же.